

Хрупкая длинноволосая девушка медленно ковыляет на каблучках, завалившись на бок, изо всех сил стараясь перевесить тяжёлую спортивную сумку. Каблучки путаются, натянутые икры заплетаются. Девушка останавливается, с трудом расправляет плечи, сумка остаётся лежать на асфальте. Русоволосая дамочка в обтягивающей чёрной юбке, белой блузке отчаянно трёт детскую ладонь, опустив неподвижный сосредоточенный взгляд на сумку. Только она и эта чёрная неподвижная туша бизона, которую нужно любой ценой дотащить до пещеры. И нет безразличной реки людей, вяло текущей по руслу улицы.

Я замечаю девушку с сумкой метров за двести, ещё в длинном туннеле подземного перехода. Они плывут бочком, выбиваясь из общего потока, как лодка и гребец, который вывалился и пытается удержать лодку.

В очередной раз взвалив на себя тяжёлую ношу, девушка отчаянно берётся отмерять десять шагов.

— Давайте я вам помогу, — двумя руками аккуратно перехватываю сумку. Не вырываю и не дёргаю, всего лишь приподнимаю, чтобы девушка почувствовала разницу.

Она чувствует.

Выпрямляется, стеснительно улыбается, наклоняется зачем-то за сумкой, которую я уже поставил на асфальт, мы чуть не стукаемся лбами, снова поднимается, заправляет длинные волосы за ухо, хлопает ресницами.

Она выглядит постарше, чем я изначально полагал. Лет на пять постарше меня, вчерашнего выпускника университета.

У неё занятные черты лица: выдающийся треугольный нос как будто вылеплен отдельно. Но это не уменьшает прелести круглых глаз и сочности пухлых губок. Она напоминает Барбару Стрейзанд — в этот нос вложена женская энергия, вокруг него вращается шарм и обаяние. Я очарован, никогда не видел ничего подобного.

— Давайте я понесу, а вы только покажите, куда идти.

Девушка тщательно скрывает радость, втягивает нижнюю губку, чтобы не выдать волнение.

— Если вам не сложно.

— Не сложно, — улыбаюсь в ответ.

Приподнимаю сумку и вдруг понимаю, что нести её будет совсем непросто. — Ничего себе, — сдерживаю смешок, ставлю сумку обратно на асфальт.

Для чёрного монстра отлично подойдёт бросок через бедро. Не самый изящный способ, но уж точно верный.

Девушка с долей зависти смотрит, как сумка взлетает и остаётся висеть у меня за спиной.

Мы идём от железнодорожного вокзала к жилому району. Справа за высоким забором частный сектор, слева — торговый центр. На этой улочке в солнечный июльский день бабки развернули оживлённую торговлю ягодами, зеленью, носками, молоком.

Я вдруг понимаю, что для знакомства выбрал не самый удачный вариант.

«Если бы она не была так очаровательна со своим носиком, стал бы я ей помогать?» — спрашиваю себя.

И сам же отвечаю:

«Вряд ли, придумал бы тысячу причин лишь бы уильнуть от ответственности! Мой

альтруизм гроша ломанного не стоит!» — принимаю твёрдое решение ни в коем случае не давать повода думать, что хочу познакомиться с ней.

Мы заходим в арку, проходим по дворам, сворачиваем за угол, идём по тропинке, ведущей в подъезд. Девушка молчит, я тоже немногословен. Лишь изредка вставляю: «Сюда?» или «Это ваш дом?»

Подходим к подъезду, и я опять разрываюсь на части: не могу же я так просто подняться к ней в квартиру. Но и оставлять её с сумкой во дворе некрасиво. Хочется сказать: «Давайте я занесу сумку наверх», но страшно. Вдруг она подумает, что у меня плохие намерения.

Я жду, что она первая что-нибудь предложит. Странно, но она тоже чувствует себя неловко. Останавливается в нерешительности, оборачивается, я улыбаюсь как дурак, топчуясь перед ней на одном месте.

— Если хотите, занесу вам сумку наверх. Но можно и здесь пожелать друг другу хорошего дня, — произношу твёрдо и уверенно, будто всю жизнь тренировался.

— Занесите, пожалуйста, — она расцветает в изумительной улыбке, усмехается.

Нос гордо расправляет крылья, пухлые губки широко раскрываются, обнажая белоснежный ряд зубов, на щёчках появляются ровные складочки. Карие глаза сверкают очарованием.

Мы заходим в подъезд, поднимаемся по лестнице к лифту. Я наконец скидываю чёрного монстра со спины. Рука затекла, тру красные вмятины, переминаясь с ноги на ногу.

Девушка напряжённо молчит, я тоже не умею разбавлять атмосферу — так я волнуюсь в присутствии прекрасной дамы. В других случаях уже бы давно пошутил или рассказал что-нибудь, а тут — как язык проглотил.

— Вы мне очень помогли. Благодарю Вас, — официальным тоном произносит она. Явно стесняется выражать благодарность простыми словами. Сдерживается, чтобы не выдать чувств.

— Да не за что, — я расшаркиваюсь, обдумывая: покинуть её с сумкой в лифте или подняться наверх?

Она заходит в лифт первая, я забрасываю сумку и сам захожу внутрь. Только теперь в лифте разница между нами в росте становится ощутимой. Я почти упираюсь головой в потолок, она почти дышит мне в грудь. Смущённо улыбаемся, я отворачиваюсь к панели с кнопками. Едем на девятый этаж.

— Хорошо, что лифт работает, — единственная разумная мысль за сегодняшний день, которая выбивается из-под густого облака стеснения в присутствии греческой богини.

— Да, лифт у нас всегда работает, — подхватывает она.

Выходим из лифта.

— Ну что ж, — произношу с некоторой долей грусти. — Тогда я вас здесь оставлю.

— Спасибо ещё раз, — она напряжена, думает о чём-то, возится с ключами в сумке. — Может быть... — волнуется, голос дрожит. — Вы не сильно торопитесь? — последнее слово она произносит так неуверенно и тихо, что я сам засомневался: может, я действительно тороплюсь?

Меня ломает. Если я сейчас соглашусь зайти, то что она подумает обо мне? Что я проделал весь этот путь, чтобы познакомиться с ней? Чтобы мы зашли так далеко?

— Да нет, не очень, — отвечаю так же неуверенно.

— Хотите чаю с вареньем? — она улыбается.

Улыбаюсь в ответ:

— Я даже не знаю, а как вас зовут?

— Алла.

— Я — Рома. А варенье какое? — улыбаюсь ещё шире. Я готов на любое варенье: из красного чили, из зелёного горошка, из чёрных баклажанов.

— Малиновое, — она хихикает. Нос оживает: морщится, расходится крыльями.

— Малиновое — моё любимое, — отвечаю, сдерживая возбуждённый вздох. Голова идёт кругом, дыхание сбивается.

Меня пригласили на чай!

Она открывает дверь, проходим по коридорчику уставленному коробками, подходим к двери, красиво обитой дермантином.

В квартире никого нет, этот факт приводит меня в ещё больший ступор. Старый шкафчик на четырёх ножках расположился под такой же старомодной вешалкой. Потрёпанные замызганные обои выглядят мрачновато в полумраке прихожей. На полу растянулась протёртая до дыр зелёная ковровая дорожка. Телефон с диском расположился на полочке. Больше хихикает, накрывает глаза рукой, упираясь попкой в подоконник. Нос предательски торчит из-под тонких пальчиков. Чайник вот-вот закипит.

Я опять наслаждаюсь видом её носа, аж рот приоткрыл. Этот греческий, римский — не знаю — безумно красивый рельефный нос хочется погладить, прикоснуться к его спинке, прокатиться пальчиком, кончиком язычка, соскользнуть с трамплина, упасть к ногам богини. Афродита замечает мой пристальный взгляд, отворачивает смущённо к окну. Потом подходит задумчиво к чайнику, начинает разливать кипяток в чашки. Слегка расплёсывает в блюдце.

Её мысли заняты чем-то очень важным, не терпящим вмешательства. Я молчу.

Наконец она ставит чайник на место, оборачивается и, оставаясь у плиты, деловито спрашивает:

— Можно вас спросить кое о чём? — Алла хмурится, сжимает губки бантиком. — Только честно. Пообещайте мне, что ответите честно, — она бросает на меня самый серьёзный острый взгляд, с которым мне приходилось скрещивать шпаги.

Сглатываю слюну. Этого ещё не хватало! Она будет меня пытать?

— Конечно. Постараюсь не врать, — отвечаю испуганно, откашливаюсь.

— Нет, пообещайте, что точно не будете врать! — она сурова. Жестока и сурова.

— Ну как я могу вам такое обещать? А что если вы спросите что-нибудь про меня, и я не захочу отвечать?

— Нет, это будет вопрос про меня, а не про вас, — она критично окидывает меня взглядом.

— Тогда спрашивайте. Мне нечего скрывать. Мы едва знакомы.

— Вот именно! Вот именно! — подхватывает она. — Поэтому я и хочу спросить именно вас, Роман, — она произносит моё имя чётко и твёрдо, как будто привыкает к нему.

Затем молчит, видимо, готовится.

— Тогда спрашивайте, — я безразлично помешиваю варенье ложечкой.

— Вам нравится мой нос? — произносит она и смотрит мне прямо в лицо, не скрывая интереса, словно детектор лжи, пытаясь выделить мельчайшие изменения цветовой гаммы в моей коже, уловить нервное подёргивание глаза, сигнализирующее ложь.

Я концентрирую взгляд на её носе. Крылья носа слегка вибрируют, покачиваются. Алла возбуждённо дышит — это далёкие раскаты гнева. Ячу её волнение, чувствую приближение

взрыва. Я сам сижу как на иголках от этого её испытания чаём и носом!

— Вы хотите, чтобы я ответил за себя или за всё человечество? — тону в абсурде.

— За себя, — она резко меняет вектор настроения. Смеётся, но тут же возвращается в допросу.

— Так что вы скажете про мой нос, как человек, который видит меня в первый раз?

Я нервно сглатываю, смотрю на неё. Руки немного дрожат. Говорю почти шёпотом так, что сам пугаюсь мыслей, которые собираюсь озвучить:

— Вы действительно хотите знать, что я думаю про ваш нос?

Она кивает.

— Вы меня не выгоните?

Мотает головой, её любопытство на пределе. Мой адреналин зашкаливает, я сейчас взорвусь.

Бомба в голове тикает, вбивая последние секунды в мир на земле.

— Я думаю, — делаю паузу, встречаюсь с ней глазами. — Я сейчас подумал, когда вы стояли там возле окна, что хочу погладить ваш нос, прикоснуться к нему кончиком языка, провести по всей длине и прыгнуть вниз, чтобы упасть к вашим ногам.

Вот и всё. Я сказал это. От стыда я готов сквозь землю провалиться. Не знаю, куда девать глаза, голову, куда спрятать свои горящие уши. Они готовы взорваться от прилившей крови. Кровь закачивается в лицо, я горю ярким пламенем.

Подпрыгиваю.

— Я пойду. Извините, наговорил вам тут глупостей, — высекаиваю в коридор, обуваюсь.

Она, неподвижно стоявшая всё это время, остолбенев от наглости, высказанной так прямо в глаза, преследует меня.

Выходит из кухни, опирается на дверной косяк спиной, изучает.

Я вожусь со шнурками. Дёрнул меня чёрт купить эти дурацкие туфли!

— Рома, останься, пожалуйста, — просит она так ласково, что у меня аж руки опускаются. Её переход на «ты» сокращает дистанцию между нами до считанных сантиметров. Она сказала это так тепло, что я даже засомневался. Сколько лет мы знакомы?

Поднимаюсь. Стою перед ней понурив голову, с полузавязанными шнурками. Пугливый взгляд гуляет по двери, находит её фигурку, лицо, нос.

Она не сердится. Странно смотрит на меня, как будто много думает. Как она может так много думать? Нос горделиво задран вверх.

Киваю.

Мы возвращаемся на кухню, и тягучее молчание возникает между нами, разливается как клей. Безмолвно пьём чай, заедая вареньем. Разговор не клеится.

— Ты всегда такой молчун? — голос Аллы звучит по-новому: он добрый, игривый, наполнен материнской любовью.

Глупости всё это!

— Нет, — бормочу в ответ. — Обычно я очень много говорю.

Она усмехается.

— А сейчас что случилось?

— Не могу отделаться от мысли, что сказал тебе такую глупость.

— Это не глупость, — обижается она. Берёт меня за руку чуть выше запястья. По-дружески, но в этом жесте чувствуется её желание приободрить меня. — Это очень важно для меня, — в её голосе кротость, гордость, откровение.

Опять усмехается.

Усмехаюсь в ответ. Говорю ей:

— У тебя очень красивый нос.

— Я знаю, — она кивает, улыбается. Берёт моё запястье двумя руками.

— Хочешь погладить мой нос? — её пальчики гладят запястье.

Я устал, устал бороться, бояться. Терзаться.

— Да.

Моя рука дрожит. Алла чувствует дрожь, чувствует холод, заливший подушечки пальцев и ладони. Её пальчики тёплые и властные.

Она тянет холодную руку к своему лицу. Я ставлю локоть на стол, чтобы не упасть. Наши глаза встречаются. Я сижу, приоткрыв губы, прикованный взглядом к её носу, глазам. Нос — глаза — нос. Нос. Мой мозг готов взорваться, когда подушечка указательного пальца, направленного её чуткой рукой, прикасается к горбинке. Она ведёт палец вниз к кончику. Он твёрдый и выпуклый. Кожа здесь припухлая, слегка пористая.

— Теперь сам, — Алла отпускает руку, оставляя меня наедине с носом.

Коленки под столом сжимаются непроизвольно, рука по-прежнему подрагивает. Палец скользит вверх, я больше не смотрю Алле в глаза. Только на нос. Он поглотил всё моё внимание. Я готов оставаться на нём хоть целую вечность. На этом бескрайнем розовом холме. Палец взбирается на горбинку, замирает, скатывается к хрящику, находит развевающиеся крылья — я скульптор, нашедший божественный дар, созерцая творение природы.

Подушечка гладит хрящик, уверенно всходит на горбинку. Я облизываю губы, захваченный процессом. Я не замечаю Аллу, она осталась за пределами понимания, вне видимости моего сознания.

Я задерживаюсь на кончике носа, боюсь соскользнуть к губам.

— Как ты там сказал? — томно шепчет Алла. — Оттолкнуться и упасть к ногам?

Покачиваю головой в трансе. Она сама находит движение пальца вниз к губе, сама ведёт подушечку по пухлым нежным изгибам губ, сама приоткрывает ротик и погружает палец в пучину страсти.